

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Руж
ДОМ ПОТЕРЯННЫХ ШАГОВ

7

Елена Логунова
ЮСТАС – АЛЕКСУ

72

Татьяна Устинова
ЛУЧШЕ НЕ БЫВАЕТ

105

Ольга Баскова
ОПАСНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

114

Дарья Калинина
БАБУШКА С СЕКРЕТОМ

180

Галина Романова
«В ПОЛОСЕ ПРИБОЯ»

261

АЛЕКСАНДР РУЖ

• ДОМ ПОТЕРЯННЫХ ШАГОВ •

Г. К. Честертону, с поклоном

Начало лета 1849 года на французском побережье Средиземного моря выдалось нежарким. Знаменитая Ривьера встречала гостей неприветливыми ветрами и частыми ливнями, а традиционно солнечное галлийское небо застилала неопрятно-лохматые сизые тучи.

Все эти прелести в полной мере извели на себе путешественники из России: отставной военный инженер Алексей Петрович Максимов и его супруга Анита, урожденная Моррьентес, испанка по крови, но, как выразился бы лирик, русская душой. В поездке по Европе, длившейся с прошлого года, их сопровождала служанка Вероника — горничная, кухарка, прачка... словом, единая во многих ипостасях прислуга.

До приезда на взморье они около полугода прожили в Париже. Пересидели зимнее ненастье, весеннюю распутицу и двинулись дальше. Рассчитывали направиться напрямиком на восток, в Швейцарию, но Алекс уговорил Аниту опуститься чуть южнее и заглянуть в Ниццу. Столько слухов об этом расчудесном городе ходило среди петербургской знати, а он ни разу в нем не бывал!

Ницца разочаровала. Было еще далеко до открытия купального сезона, но Максимов не захотел упускать случай и полез в море. Загромождавшие пляж камни больно давили ему в пятки, он два раза поскользнулся на них, ушиб колено, а когда дохромал до воды, его тотчас же ужалила невесть откуда выплывшая коричневая медуза. Купаться после этого сразу расхотелось. Архитектурные красоты тоже не впечатлили. Кроме того, в Ницце было небезопасно — формально принадлежавшая Сардинскому королевству, она находилась меж двух огней, так как с недавних пор Франция вступила в военный конфликт с Италией из-за Папской области. С апреля французский экспедиционный корпус осаждал Рим, обороняемый горсткой храбрецов, чей командир по фамилии Гарибальди был как раз уроженцем Ривьеры. Испытывая не-

хватку солдат, он наведывался на малую родину и вербовал добровольцев. Франция как могла препятствовала этому. Короче говоря, обстановка накалялась, и Максимов поспешил увезти Аниту в более спокойное место.

Въезжая вновь на территорию Франции, они столкнулись с оцеплением, состоявшим из национальных гвардейцев. Рослые молодцы, в белых штанах в обтяжку и темных мундирах с двумя рядами надраенных пуговиц, останавливали всех путников и подвергали тщательному обыску. Алекса это возмутило, он принялся отстаивать свои права, но ему, во-первых, втолковали, что из Италии через сардинские земли так и норовят просочиться шпионы, а во-вторых, показали ошестиненные штыками ряды защитников границы, что произвело на него должное впечатление, и он перестал возмущаться.

Тронулись в сторону Марсея, но по пути Вероника, объевшись провансальских фруктов, которые продавались тут по смехотворным ценам, слегла с сильным расстройством. Пришлось задержаться в маленькой рыбацкой деревушке, аккурат на французской границе. Название этого населенного пункта состояло из четырех слов, из них Максимов запомнил лишь два — «Сен» и «Виллаж». По правде говоря, он

был даже рад непредвиденной задержке. Большие города с их шумом и суетой утомили его, тянуло побыть на лоне природы, насладиться уединением и тишиной. Он часами просиживал на берегу, который, в отличие от пляжа в Ницце, был песчаным и мягким, как спальное ложе, швырял в морскую пену ракушки и фальшиво напевал: «Белеет парус одинокий...»

Вероника лежала в номере миниатюрной гостиницы с облупившимися потолками и пышным названием «Гранд-Палас», принимала желудочные пилюли, прописанные ей местным аптекарем. А предоставленная самой себе Анита обзревала деревенские достопримечательности. Зашла в средневековую церквушку, где познакомилась с набожным кюре, побродила среди покосившихся кладбищенских памятников, наведалась в музейчик, который основал и содержал пользовавшийся Веронику аптекарь — один из редких представителей здешней интеллигенции. Музейчик представлял собой комнатку в сельском доме, где за правой стеной проживал сам хозяин со своей экономкой — престарелой матроной, — а за левой бляла, мычала и хрюкала домашняя живность.

10 Аптекарь со святочным именем Пьер Ноэль обрадовался посетительнице и с сожалением

нием признал, что взлелеянное им детище популярностью не пользуется.

— Темный народ, мадам! — вздыхал он, сопровождая Аниту по загроможденной разномастными предметами комнатухе. — Триста человек — вот и все наше население. Из них хорошо если четверть знает алфавит, а по-настоящему грамотных не наберется и двух десятков... Осторожно, не ушибитесь! Этот булыжник с петроглифами я нашел возле Западной скалы. Видели ее? Она вдается в море недалеко от церкви... А это каменное орудие труда доисторического человека. Вы знаете, что люди в этих местах жили еще за триста тысяч лет до Христова Рождества? Я обнаружил их стоянку в пещере за деревней, писал в Академию наук, просил прислать ученых, но мне так и не ответили...

Он трещал без умолку, перескакивая с одного на другое. Повествование о первобытных дикарях перемежалось у него с сетованиями на сына, который давным-давно покинул деревеньку и в поисках лучшей доли затерялся в бескрайнем мире.

— А ведь с той поры, как умерла моя жена, я был ему и за отца, и за мать... Ночей недосыпал, растил, воспитывал... Что за дети пошли? Неблагодарное племя!

Ознакомившись с плохо освещенной и довольно-таки бестолковой экспозицией, Анита попрощалась со словоохотливым энтузиастом и обнаружила, что достопримечательности Сен-Виллаж-Как-То-Там кончились. Заключительным пунктом обзорной программы значился Бездонный Колодец, или, как его тут прозвали, Пропась Сатаны — провал на дне глинистого оврага. Черную дыру с осыпавшимися и поросшими травой краями показал Аните за пару монет молодой абориген. Он клятвенно уверял, что дыра не имеет дна, хотя никто никогда этого не проверял. Деревенским и в голову не приходило лезть в нее.

— Там нечисть живет, вот вам крест! — божился абориген. — В День Всех Святых оттуда Красный Карлик вылезает, ищет кем поживиться. Честное слово, не вру! Лет пять назад, когда я только-только учился на веслах ходить, он кривого Луи к себе в преисподнюю утащил. Правда! Луи сливянки нарезался да и побрел сдуру ночью к оврагу. Больше его не видели...

В деревне, как и говорил аптекарь, преобладал народец темный и подверженный разного рода предрассудкам. Тот же туземец, что показал Аните Бездонный Колодец, сделал попытку всучить ей счастливую кроличью

лапку и четырехлистный клевер, бережно засушенный меж страниц потрепанного трепника. А еще, за дополнительную плату, предлагал указать адресок гадалки, которая минувшей весной напроорочила смерть хромому Жану и криворукому Мишелю. Анита вежливо отказалась.

От безысходности она заглянула на почту, где скучали двое служащих: почтальон и цензор, присланный сюда по причине близости деревни к территории враждебного государства. Было видно, что работы у них, как говорят русские, *кот naplakal*.

— Рыбаки не пишут писем, — просветил туристку хмурый почтовик в приплюснутой фуражке. — Они невежественные и нищие. А самая дешевая марка стоит двадцать сантимов, плюс конверт... Кстати, не хотите ли купить марочку? Первая французская, в обороте с января. Про нее мало кому известно, люди не доверяют, а начальство дерет с нас три шкуры — требует, чтобы в ходу было только отечественное. Мода на патриотизм, чтоб ее... — Почтовик оглянулся на цензора, явного чужака в этих краях, и понизил голос: — Премии лишают, грозят зарплату урезать. У деревенской почты и так прибыли никакой, того и гляди разгонят. Купите, а?

Анита сжалась и приобрела набор марок с профилем богини Цереры — за двадцать сантимов, за сорок и за целый франк.

Завершив осмотр деревушки, она присоединилась к Алексу, который сидел на покатом валуне, созерцал романтический закат и выглядел умиротворенным, как древнегреческий философ.

— Сможешь так? — Он бросил далеко вперед плоский камешек, и тот вприпрыжку пустился по воде.

— Здесь становится скучно, Алекс, — пожаловалась Анита. — Денек-другой ради Вероники я потерплю, но если не подвернется какого-нибудь приключения, то мы совсем закиснем.

— А не ты ли обещала мне в Париже, что не будешь больше лезть в авантюры? — напомнил Максимов. — Лично я предпочел бы путешествовать тихо и мирно — как подобает приличным гражданам приличной страны.

Анита подобрала юбки и сделала попытку пристроиться рядом с ним на валуне, но неожиданно ее внимание привлек некий объект, колыхавшийся в волнах и косо освещенный лучами заходящего светила.

— Глянь! Что это там?

— Похоже, бутылка...

— Достань мне ее!

— Вот еще! Стану я собирать всякий хлам...

— Достань! Если бутылка плывет по морю, то это необязательно хлам.

Алекс хмыкнул, подвернул купленные в Париже модные брюки из тонкой шерсти табачного цвета, скинул с ног лакированные боты и по щиколотки зашел в средиземноморские воды. Бутылка плыла мимо, высунув узкое горлышко, заткнутое пробкой и залитое сургучом. Максимов протянул руку, чтобы достать этот стеклянный поплавок, но расстояние было слишком велико. Помог прибой — он хоть и окатил до подмышек, зато толкнул бутылку в нужном направлении.

— Тысяча чертей! — процитировал Алекс слышанное в Париже ругательство. — Теперь и панталоны сушить, и жилет с рубашкой... А все из-за твоих капризов!

Анита не слушала его. Она выхватила улов, посмотрела через стекло на свет и воскликнула:

— Там записка! Как в романах про пиратов...

— Ага. Думаешь, в ней карта острова, где зарыты сокровища? — проворчал Максимов, снимая насквозь промокшую шелковую жи-

летку. — Не слышал я про пиратов, которые делают такие щедрые подарки кому попало.

— Может, не будем рассуждать, а откроем и посмотрим?

Алекс взял у нее находку и повертел, разглядывая.

— Бутылка из-под лафита. Сравнительно новая, даже этикетка не отклеилась. Держу пари, что ее бросили в море не раньше вчерашнего дня. — Он подковырнул сургуч ногтем. — Не поддается. Что ж... Пожертвуем формой ради содержания.

Он коротко размахнулся и хрястнул бутылкой о валун. Горлышко отпало. Анита тонкими пальчиками выудила сложенный вчетверо листок бумаги. Развернула его и увидела накорябанные лиловыми чернилами строчки:

«Перепиши это письмо десять раз, перерисуй Символ Счастья и разошли по разным адресам. Уничтожишь письмо — умрешь страшной смертью».

Под текстом, написанным по-французски, была изображена бесформенная фигура, усеянная квадратиками, точками, прямыми и извилистыми линиями.

— Интересно, какой дурак это придумал? — буркнул Алекс, выжимая жилетку. —

— Вот и мне интересно... — Анита всматривалась в бумагу, словно надеялась вырвать у нее тайну. — Не поленился, написал, нарисовал, запечатал в бутылку, пустил по морю... Столько трудов!

— Надеюсь, ты не собираешься переписывать и перерисовывать всю эту чушь? Тут недалеко есть яма, куда сливают помои...

Невольно приняв морскую ванну прямо в одежде, Максимов сделался недовольным, тем более когда обнаружилось, что он рисковал костюмом совершенно напрасно. Анита, однако, не торопилась избавляться от записки и спрятала ее в свой ридикюль.

— Выкидывать пока не стану. Лучше повременить...

— Вы правильно поступаете, мадам, — прозвучал позади нее чей-то приятный голос.

Анита обернулась. К ней шел высокий подтянутый брюнет, облаченный в походную куртку и короткие штаны, заправленные в гамаши. Вечерний бриз развеивал его длинные волосы, шевелил смолисто-черные усы и топорщил бородку. Брюнет был красив, можно сказать, эффектен, Аните подумалось, что улыбка сделает его неотразимым, но он выглядел серьезным и сосредоточенным.

Подойдя, он с достоинством поклонился и отрекомендовал себя:

— Жан Гаше, коммерсант из Перпиньяна. Прошу прощения, что без церемоний.

Анита ответила ему легким реверансом, а Максимов порозовел, представляя, сколь нелепо смотрится в мокрых брюках, босиком и в прилипшей к телу сорочке. Тем не менее он сумел подавить стыд, по всей форме представил себя и Аниту и даже пошутил касательно бесплатного душа от старины Нептуна. На иронию мсье Гаше не отреагировал, и Аните так и не удалось увидеть его улыбку.

— Вы путешествуете? — уточнил он. — Я тоже. Нас было четверо, мы — компаньоны, держим совместное винное производство. Решили немного встряхнуться, проехать по побережью...

— Вы сказали «было четверо»? — переспросила Анита. — А почему в прошедшем времени?

— Потому что в Тулоне произошла неприятность, если позволительно так выразиться. Один из моих друзей — его звали Гюстав — купил у мальчишки-газетчика на улице свежий номер «Фигаро». А из газеты выпала записка. В ней содержались непонятные заго-

гулины и просьба размножить ее и разослать по десяти адресам.

— Вот такая? — Анита достала из ридикюля и показала мсье Гаше листок, найденный в бутылке.

— В точности. Я потому и подошел к вам. Услышал ваш разговор на тему, которая с недавних пор меня волнует...

— И что стало с вашим приятелем? — нетерпеливо поторопил его Максимов, напяливая еще не просохшую жилетку, дабы придать себе более-менее презентабельный вид.

— Он посмеялся, порвал записку и выбросил ее в первую попавшуюся урну. И в ту же минуту в него врезался ехавший на полной скорости фиакр. Поднялась суматоха, кучер оправдывался тем, что его ослепил луч фонаря на углу... Гюстава свезли в больницу, где он скончался, не приходя в сознание.

— Прискорбная история, — посочувствовал Алекс. — Но это всего лишь совпадение, не находите?

Мсье Гаше не склонен был спорить.

— Согласен. Я не мистик, посещаю кружок материалистов... Но вот что странно. Мы с двумя оставшимися компаньонами отправили нашего несчастного товарища в Перпиньян, где вдова занялась органи-

зацией похорон, а сами продолжили путь, поскольку это путешествие было предпринято не только с целью развлечения — мы намеревались договориться с владельцами прибрежных виноградников о поставках сырья для нашей фабрики. И в Марселе я вдруг получаю точно такую же записку...

— От кого? — живо поинтересовалась Анита.

— Не знаю. Нашел в гостиничном номере, на тумбочке возле своей кровати. Портье и горничные клялись, что никто посторонний в комнату не заходил.

— И что вы сделали?

— То же, что и вы: оставил записку до поры при себе. — Мсье Гаше извлек из кармашка для часов плотно сжатый бумажный треугольник. — Хотите сравнить?

Анита убедилась, что записка, попавшая в руки их нового знакомого, идентична той, которую они выловили из моря.

— Один в один, — констатировал Максимов. — Видно, кто-то всерьез занялся одурачиванием населения. Не пойму только, какая от этого выгода?

— В том-то и дело! Человек прилагает усилия, несет определенные расходы — и что он получает? Меня как коммерсанта занимает

этот вопрос, но объяснения я так и не придумал.

— А если все куда серьезнее и дело не в выгоде? — предположила Анита.

Максимов снисходительно усмехнулся.

— Нелли! Не думаешь же ты, что бред какого-то сумасшедшего в состоянии повлиять на судьбу? Это антинаучно...

Едва он договорил, как со скалы, располагавшейся метрах в ста и вдававшейся в море, донесся громкий хлопок, сопровождаемый треском, как при электрическом разряде. Все трое одновременно вскинули головы и посмотрели туда. На плоской площадке, венчавшей скалу, виднелось нечто необыкновенное, похожее на уродливое существо, стоявшее на растопыренных негнущихся ногах и свесившее вниз черные обмякшие крылья. Разглядеть его в деталях мешала не слишком удобная позиция — смотреть приходилось снизу вверх, а сбоку светило заходящее солнце, из-за чего каменные уступы отбрасывали длинные причудливые тени.

— Что это? — встревожилась Анита.

— О, не беспокойтесь! — улыбнулся наконец мсье Гаше, продемонстрировав полоску безупречно белых зубов. — Это еще один мой спутник — Эмиль. Он страстный фотограф,

вечно таскает с собой аппарат и делает снимки везде, где бывает.

Максимов, сощурившись, смотрел на скалу.

— Но я его не вижу! Там только тренога с фотокамерой...

— Да? — Мсье Гаше помахал рукой и зычно выкрикнул: — Эмиль! Ты где?

Загорланили испугнутые чайки, но Эмиль не отзывался. Анита заволновалась:

— Пойдемте посмотрим, все ли с ним в порядке. Кажется, вон там подняться проще всего...

С северной стороны скала была во многих местах выщерблена, и по этим природным ступенькам они без труда взобрались на верхнюю плоскую грань. Отсюда открывался великолепный вид как на деревню, так и на морскую гладь, на которой сверкали яркие блики. Истинный фотохудожник без сомнения радовался, отыскав столь удачную точку для съемки. Но где он сам? На краю скалы, ближе к морю, стоял треножник с громоздким ящиком, а то, что Анита приняла за крылья, оказалось непрозрачным покрывалом, которое фотографы набрасывают на голову, готовясь к экспонированию. Теперь оно висело на аппарате и покачивалось от ветра.

— Камера австрийская, — определил хорошо разбиравшийся в технике Алекс. — Фирма «Фохтлендер», объектив со светосилой три и шесть, механическое реле времени, магнийевый блиц... Мечта!

— Вы правы, но где Эмиль? — Господин Гаше растерянно обвел взглядом окрестности. — Не мог же он бросить аппарат и убежать!

— Смотрите! — Анита вытащила забившийся под треногу клочок бумаги. — Обрывок... А вот еще один!

Фрагменты разорванного на мелкие части листка ветер разнес по всей площадке. Анита подобрала те из них, что не сдуло в море, сложила воедино и узрела знакомые закорючки, а над ними все то же: «Перепиши... перерисуй... умрешь...»

— Выходит, Эмиль получил такую же записку?

— Да... я же вам недосказал. — Мсье Гаше вытянул из-за обшлага шелковый платочек и промокнул лоб. — Сегодня днем, когда мы приехали сюда, возле деревенского трактира к нам подковылял старик в отрепьях и протянул Эмилю бумажку. Мы не сразу поняли, что это, она была туго свернута и перевязана ниткой. Эмиль подумал, что старик просит

милостыню в обмен на какой-нибудь билетик с пожеланиями — знаете, такие достают из шапки попугаи на ярмарках. Пустячок, но поднимает настроение.

— Куда делся этот старик?

— Понятия не имею. Пока мы разворачивали бумажку, он словно испарился. Эмиль по характеру вспыльчив, он был вне себя, когда понял, что именно ему подсунули. Хотел тут же порвать, но посоветился засорять землю возле трактира и сказал, что избавится от этой писанины при первой же возможности.

— Похоже, он собирался развеять ее над морем, — ухмыльнулся Максимов и тотчас посерьезнел, ибо ситуация не располагала к веселью. — А что это там внизу?

Мсье Гаше мгновенно спустился и принес серую накидку, прорезиненную по методу Макинтоша.

— Дождевик Эмиля! Застрял между камнями...

— Такое могло случиться, если ваш Эмиль упал со скалы, — высказал догадку Алекс. — Накидка слетела с него, и ее отнесло на берег, а сам он рухнул в воду. Как считаешь, Нелли?

— Да... вполне, — обронила Анита, погруженная в раздумья. — Умел он плавать?

— Насколько я знаю, не очень. Но проверять не доводилось... По-вашему, он утонул?

Максимов окинул взором беспокойное море.

— Я никого не вижу. А течение здесь быстрое, и рифов немало... Если он при падении приложился о них головой, то я ему не завидую.

— Еще одна смерть? Ну это уж слишком! — всплеснул руками коммерсант из Перпиньяна. — Не хочу в это верить... Давайте поищем внизу. Возможно, он упал на песок... или попросту разыгрывает нас. За ним водятся подобные шуточки.

Они обшарили пляж вокруг скалы, имевшей довольно своеобразную форму. Анита обратила внимание, что на стороне, выходящей к морю, есть небольшое, в полтора человеческих роста, углубление. Того, кто встанет там, невозможно увидеть не только из деревни, но и с берега. Однако никаких следов Эмиля не нашлось. Он как в воду канул. А может, и впрямь канул? Максимов склонился к выводу, что злополучный фотограф, упав, расшиб себе голову или, оглушенный, потерял сознание и его унесло в пучину.

— Но как он мог упасть? — недоумевал мсье Гаше. — Что за помрачение на него нашло?

Алекс тронул отшлифованную водой скальную стену.

— Скользко... Возился с фотографическим аппаратом, увлекся, нога поехала, и вот...

— Это произошло после того, как он порвал записку? Опять совпадение?

— Так или иначе, необходимо поставить в известность жандармерию, — подвела Анита итог неутешительных розысков и бесплодных гипотез. — Они обязаны принять меры.

Мсье Гаше нанял извозчика на скверной лошаденке и отправился в жандармский участок, располагавшийся в соседнем городке, а Анита уговорила Алекса зайти в трактир, возле которого произошел инцидент со стариком. К сожалению, по приметам, названным господином Гаше, никто не опознал пожилого оборванца. Скорее всего, он был пришлым и, передав записку, убрался восвояси.

Между тем слухи о зловещих посланиях и таинственных смертях уже поползли по деревне. Сплетникам не надо было особо стараться — не отягощенные бременем образованности рыбаки от рождения верили во всевозможную чертовщину, строго придерживались примет и остерегались злых чар.

26 А тут — самое что ни на есть зримое про-

явление бесовских козней. Молва об исчезнувшем фотографе передавалась из уст в уста, обростала леденящими душу и все более нелепыми домыслами.

Господин Гаше вернулся из городка поздно вечером. Он сообщил, что в жандармерии приняли его заявление о пропаже Эмиля Леруа и пообещали завтра прислать сотрудников для обследования береговой линии близ места происшествия. Максимов заметил, что толку ее обследовать нет ни малейшего — если труп не выбросило сегодня до темноты (а в этом он убедился сам, пройдя верст пять туда и обратно), значит, море утащило свою жертву так далеко, что уже не найдешь.

— И что теперь делать? — сокрушался Гаше. — Если так пойдет и дальше, я скоро останусь совсем без компаньонов!

— А кстати, — вспомнил Максимов, — где ваш третий друг? С ним ничего не стряслось?

— С Жоржем? За него я спокоен. Он не ротозей и в обиду себя не даст. Силач, владеет приемами савата, некоторое время назад работал в Сюртэ.

— Так где же он?

— В гостинице. Мы приехали сегодня днем и отправили Жоржа снять комнату — он не романтик, зато прекрасно умеет торговать-

ся, ему всегда делают скидки... А я и Эмиль пошли полюбоваться здешними красотами. Вы уже знаете, чем это обернулось.

— То есть Жорж еще не осведомлен о пропаже Эмиля?

Мсье Гаше раздраженно засопел.

— Я собирался пойти к нему сразу же, но не вы ли настояли, чтобы я безотлагательно ехал к жандармам? Говорили, что дело не терпит промедления...

— Говорили, — признала Анита. — Но теперь не худо бы к нему наведаться. Позвольте пойти вместе с вами? Мы сняли номер в той же гостинице, так что нам по пути.

— Идемте, — охотно согласился мсье Гаше. — Откровенно признаюсь: с недавних пор мне как-то не по себе, так что буду благодарен, если вы составите мне компанию.

«Гранд-Палас» держала дородная хозяйка, потерявшая мужа в пекле Наполеоновских войн. Она подтвердила, что господин, назвавшийся Жоржем Фонтэном, импозантный, седовласый, с тросточкой, очень придиричивый, снял несколько часов назад самую большую комнату для себя и двух своих попутчиков, которые, по его словам, должны подойти позже. При нем было четыре или пять чемоданов — багаж всей группы. Сын хозяйки помог

перетаскать вещи в номер, после чего Жорж, сославшись на усталость, отказался от обеда и сказал, что приляжет отдохнуть. Дверь он запер изнутри и попросил не беспокоить. Хозяйка не замечала, чтобы он куда-то выходил — наверное, и сейчас еще спит у себя.

— Я же говорю, за Жоржа переживать не стоит, — с облегчением промолвил мсье Гаше.

Анита, выглядевшая задумчивой, негромко возразила:

— А все же лучше удостовериться, что он жив и здоров... Мало ли что.

Мсье Гаше подошел к двери номера, который снял его компаньон, и побарабанил по ней костяшками пальцев:

— Жорж, ты спишь? Это я, открой! — Не дождавшись реакции, он постучал вторично, уже кулаком. — Жорж! Проснись!

Внутри царила тишина. Максимов кашлянул — происходящее навевало дурные предчувствия.

— Есть у вас запасной ключ? — повернулся он к хозяйке, стоявшей в конце коридора и с любопытством наблюдавшей за действиями посетителей.

— Да, конечно! — Она с готовностью отомкнула дверь, и все гурьбой ввалились в номер.

Переступив порог, Анита угрюмо резюмировала:

— Мы опоздали, господа.

Посреди комнаты на почерневших половицах высилась горка обугленных человеческих костей, а чуть поодаль лежал череп, который пустыми глазницами тарасился на вошедших. Картину дополняли остатки одежды, палка орехового дерева, валявшаяся на кровати шляпа, кое-как сложенные в углу чемоданы и курительная трубка из верескового корня, а также пенсне, на которое Максимов чуть не наступил, протиснувшись поперед Аниты.

— Святая Женестьева! — воскликнула гостиничная хозяйка, заламывая руки. — Какой кошмар!

Максимов оборотился к мсье Гаше и кивнул на кости:

— Это он? Жорж?

Гаше стоял ошеломленный и подавленный. Он бормотал еле внятно:

— В таком виде... трудно узнать... Но это его шляпа, его трость, его пенсне... Определенно он!

Хозяйка, понемногу оправившаяся от потрясения, подтвердила, что перечисленные

снявшем номер. А поскольку в гостиницу никто более не входил, обгорелые останки могли принадлежать только ему и никому другому.

— Обгорелые? — Анита, сохранявшая рассудительность, обвела взглядом стены, оклеенные выцветшими обоями. — Если бы здесь произошел пожар, сохранились бы следы копоти, а их нет.

На вопрос, чувствовался ли в гостинице запах гари, хозяйка ответила отрицательно. Ни она, ни сын ничего не унюхали, хотя находились в нескольких шагах отсюда — сперва занимались уборкой освободившихся номеров, затем готовили на кухне ужин.

— Что же тогда все это означает? — непонимающе моргал мсье Гаше. — По какой причине Жорж превратился вот в это? — и он патетически простер руку к костям и черепу.

У Максимова уже созрела догадка, и он не замедлил ею поделиться:

— Кислота. Его окатили с ног до головы сильнодействующим реактивом, способным разъесть плоть до основания. Результат налицо.

— Алекс прав. — Анита дотронулась носком туфли до черных крапинок на полу. — Видите? Это брызги попали, они прожгли

дерево. На несчастного вылили как минимум ведро кислоты.

— И он снес это молча? — не поверил Гаше. — Не сопротивлялся, не звал на помощь?

— Вероятно, его перед этим оглушили или усыпили... Спросим у Вероники, ведь она здесь, за стеной!

Вероника лежала в соседнем номере, ворочалась на кровати, кишевшей клопами, и постанывала от непрекращавшихся колик. Когда ее уведомили, что в непосредственной близости совершено злодеяние, она закатила наполненные страданием глаза и впала в состояние обморока. Насилу мсье Гаше, обладавший некоторыми лекарскими навыками, привел ее в чувство.

Очнувшись, Вероника заявила, что ничего не слышала — ни воплей, ни звуков борьбы. Разве что шаги и поскрипывание досок, но потом все затихло. Ей удалось слегка заснуть, и она пребывала в полудреме вплоть до момента, когда в комнату вошли ее господа в сопровождении Гаше и гостиничной дамы.

Настала ночь. Гаше заявил, что сегодня к жандармам больше не поедет, тем более что участок наверняка уже закрыт. Хозяйка не настаивала. Побледневшая и трепещущая, она

гадала, как лучше поступить: по-тихому избавиться от лежавших в комнате мощей, чтобы не нанести ущерба репутации заведения, или, наоборот, предать случившееся огласке и тем самым привлечь к себе всеобщее внимание. Анита уже догадалась, что толстуха — профессиональная сплетница, виртуозно владеющая умением разносить толки.

Итоги коллективных раздумий подвел Максимов:

— Скрывать нельзя. Это убийство, пусть те, кому положено, займутся расследованием.

— Почему вы решили, что убийство? — спросил все еще находившийся в ступоре мсье Гаше.

— А как иначе? Не сам же он обрек себя на такую жуткую смерть... И где тогда емкость из-под кислоты? Ее унес убийца.

— Которого никто не видел...

— В комнате приоткрыто окно. Он влез через него и тем же способом убрался. Так, Нелли?

Анита вынуждена была признать, что логика Алекса безупречна. Оставался лишь один вопрос: если Жоржа убили, то за что?

— Записка... — прошептал мсье Гаше и протянул трясущуюся руку. — Под кроватью...

Листок с закорючками и набившим оскомину предостережением был изорван и наполовину черен — на него тоже попала кислота, превратив часть бумаги в труху. Но в том, что это именно *та* самая записка, никто не сомневался.

— Я и не знал, что Жорж получил ее, — пролепетал коммерсант, сделавшийся неожиданно для себя единоличным владельцем фабрики в Перпиньяне. — Где? От кого?

Ничего не смогла прояснить и хозяйка. Не совладав с расстроенными нервами, она всхлипнула и убежала к себе в каморку.

Максимов, обдумывая собственные теории, подступил к господину Гаше:

— А не вы ли все это подстроили, милейший? У вас была возможность и, что важно, мотив. Устранили партнеров, получили неограниченный доступ к фондам предприятия. Прибыль тоже теперь не нужно делить на четверых...

Этот выпад Гаше парировал вяло, с кислой гримасой:

— Если вы полагаете, что смерть моих компаньонов мне выгодна, то вы ошибаетесь. Между нами составлен договор, согласно которому в случае, если кто-то из нас уйдет из жизни, причитающаяся ему

доля прибыли выплачивается его семье. Бессрочно. Я не только не выигрываю от их гибели, но и попадаю в труднейшее положение. Жорж умел великолепно налаживать контакты с поставщиками, Эмиль занимался финансовой стороной, следил, чтобы магазины, куда поставлялось наше вино, выплачивали нам все до последнего су. Гюстав контролировал производство, он потомственный винодел... Отныне все это ляжет на мои плечи. Даже не представляю, как буду справляться!

Анита, поразмыслив, приняла его сторону.

— Твои обвинения беспочвенны, Алекс. Возьмем практическую часть. Если бы господин Гаше задумал устранить своих компаньонов, он бы избрал более простой путь. К чему такой сложный спектакль с записками, обливанием кислотой? И как он умудрился столкнуться со скалы Эмиля, если в тот момент находился с нами?

Максимов сконфуженно потер чело.

— Да, многое пока не поддается объяснению. Разве что сообщники...

— Повторяю: я никого не убивал! — Апатия слетела с мсье Гаше, он занервничал, взбив свои пышные волосы. — Готов присягнуть, если хотите... И заметьте: я тоже получил за-

писку. Моя жизнь может оборваться в любую секунду, как у этих троих.

— Но вы же не уничтожили свой экземпляр, — молвила Анита. — Возможно, поэтому вас и пощадили. Если я правильно понимаю, вам дано время, чтобы выполнить условия, указанные в записке.

— У меня нет намерения выполнять эти дурацкие условия! Переписывать, рассылать... Что за ерунда!

— Вам решать. Но как показывает практика, до беды недалеко...

По настоянию Максимова комнату с черепом и костями заперли, оставив в ней все, как было, до приезда следователей. Закрыли и окно, занавесив его изнутри гардинами, чтобы уберечь интерьер от посторонних взглядов. Господин Гаше коротал ночь в другом номере, благо «Гранд-Палас» не мог похвастать наплывом постояльцев.

Хорошо ли спалось коммерсанту после пережитых потрясений — доподлинно не известно. Что касается Аниты и Алекса, то им было не до сна. Аните чудились шорохи, шаги за стеной, она то и дело просила супруга выглянуть в коридор и проверить, не вскрыт ли замок в апартаментах покойника.

Тревожную атмосферу сгущали вздохи и постанывания болезной Вероники.

Задремали только к утру, но были разбужены гулом голосов под окнами. Максимов отодвинул занавеску, выглянул через засиженное мухами стекло и присвистнул. У гостиницы стояло десятка два зевак из числа деревенских жителей — преимущественно баб и ребятни. Они галдели, сгрудившись у оконницы, за которой располагался номер с бранным прахом Жоржа.

— Н-да!.. — буркнул Алекс, задергивая штору. — Вести в этом захолустье распространяются с невероятной быстротой.

К обеду вся деревенька гудела как улей. А ситуация продолжала раскручиваться, и это лишь подливало масла в огонь. Двое или трое вернувшихся с промысла рыбаков подобрали вблизи от берега бутылки из-под лафита и анжуйского, в которых содержались послания, точь-в-точь схожие с теми, что погубили соратников господина Гаше. Злосчастные ловцы морских даров и не подозревали, в какую передрягу влипли. Дома они получили выволочку от жен, напуганных кривотолками, однако ругань не могла послужить исправлением содеянного. По мнению

старожилов, являвшихся по совместительству главными мракобесами, треклятая записка завладевала всем существом того, в чьи руки попадала. Выбор был невелик: либо выполнить изложенные в ней требования, либо умереть страшной смертью.

Напрасно кюре — самый здравомыслящий и, наряду с аптекарем, просвещенный из поселян — силился образумить махровых невежд. Он даже созвал всех на внеочередную проповедь и призывал отрешиться от предубеждений, но факты свидетельствовали против его разумных речей. Один рыболов по прозвищу Плешивый Гастон, вняв доводам священника, прилюдно, прямо в церкви, изорвал зловещую бумагу. Ближайшей ночью запылал амбар у него во дворе. Гастон, живший бобылем, сумел погасить пожар, но наутро, прокопченный и заикающийся, прибежал к своему родичу, который тоже выловил в море бутылку с недобрым содержанием, выпросил у него записку во временное пользование, переписал ее не десять, а целых двадцать раз (на свое счастье, грамотой он владел в достаточной степени) и разослал по всем известным ему адресам, затратив четыре франка из сбережений, отложенных на черный день.

Пример был заразителен. Вскорости все держатели записок с грозным предостережением сделали то же самое. Ради экономии наиболее сообразительные не покупали конвертов и марок, а просто-напросто разносили копии по домам и подсовывали под двери. Но соседи пришли в боевую готовность и стали встречать непрощеных письменосцев с дубьем. Да и народонаселения в деревне было слишком мало — эпидемия поразила его меньше чем за сутки. Волей-неволей пришлось пользоваться услугами почтового ведомства.

Возникли затруднения. Они были связаны не только с затратами на пересылку писем, но и с безграмотностью подавляющей доли обывателей. Кюре категорически отверг просьбы пособить в переписывании бесовских рескриптов, поэтому за работу взялись все имевшиеся в наличии деревенские грамотеи. К ним выстраивались очереди, переписывание шло с утра до вечера. Расчет производился по-разному, в зависимости от возможностей заказчика и запросов исполнителя: медяками, куриными яйцами, мукой, виноградной бормотухой. Некоторые переписчики, почуяв наживу, стали задирать цены, но их усовестили, и постепенно установился единый тариф, которого придерживались все.

Впрочем, торжество грамотных длилось недолго. Их необразованные, но сметливые односельчане додумались, что можно просто перерисовывать буквы, не вдаваясь в их смысл. Корябали кто во что горазд, вкривь и вкось, зато тратились только на бумагу и чернила. Если б еще можно было обойтись без почтовых расходов! Но увы — мало кто из приморских нищевродов располагал гужевым транспортом, и разъезжать по городам и весям выходило накладно. К тому же слухок о нехороших записках уже разошелся по окрестностям, и визитеров из Сен-Виллаж-Трам-Пам-Пам встречали как прокаженных.

Эта история серьезно ударила по экономике деревни. Прежде сюда регулярно приезжали скупщики рыбы — они брали оптом свежий улов, за счет чего рыбаки и содержали свои семьи. После того как «записочная зараза» покатила снежным комом, набирая обороты и вселяя ужас во всех, кто о ней узнавал, покупатели стали проезжать мимо. Благо южный берег Франции был достаточно велик и на всем протяжении его усеивали десятки деревушек, готовых снабдить морской снедью рестораны и кафе.

40 Тень полного разорения и голодной смерти нависла над уютным местечком. Все это про-

изошло в считанные дни. Деревенские не знали, на кого обратить свой гнев. Они и рады были бы прекратить безумие, но опасение дьявольской кары, обещанной в анонимных эпистолах, оказалось сильнее страха перед надвигавшимся голодом.

Тем временем Веронике стало лучше, и Максимов заговорил о том, чтобы покинуть сей неблагословенный край.

— Здесь скоро вспыхнет бунт, — предрекал он. — Бессмысленный и беспощадный. Крестьяне — они такие... Если не докопаются до причин своего несчастья, то пойдут с кольями на первого встречного, лишь бы выместить злобу и отвести душу. Не желал бы я попасться под горячую руку.

— И ты не хочешь помочь им установить истину? — вопрошала Анита. — Тебе все равно, что они поубивают друг друга?

— Я бы помог, Нелли, но сам не знаю что думать.

У Алекса поначалу зрело подозрение: все это затеяно теми, кто хотел заработать на переписывании чертовых цидулек. Но версия отпала.

— Может, почта? — предположил он неуверенно. — Помнишь, тебе жаловались, что никто не пишет писем и не покупает марок?

— Нет. — Анита покачала головой. — Я сегодня была там. Ты не представляешь, какой сейчас бедлам!

Сонное почтовое царство воистину преобразилось. В тесном помещенье, которое раньше мало кто удостаивал своим посещением, дым стоял коромыслом. Взмыленные служащие не покладая рук просматривали и сортировали корреспонденцию, а она все поступала и поступала. Как будто чума тянула свои щупальца в разные стороны, распростираясь по Франции и ближайшим странам.

— Сил нет, мадам! — сетовал знакомый почтальон. — Совсем недавно я скучал на работе и думал, что буду рад, если ее станет больше. И что же? Не сегодня завтра мне придется уволиться.

— Почему? — удивилась Анита. — Дела у вашей конторы идут великолепно, того и гляди прибавят зарплату.

— Прибавки от нашего начальства не дожدهшься, мадам. Скупердяи! И потом... — Почтенный служащий поежился и перешел на полусшепот: — У меня ощущение, что я занимаюсь делом, угодным лукавому. Дважды в день я хожу на исповедь, но легче не становится.

— Тогда почему бы вам не выбросить эти письма в печку? Прервите порочную цепочку, и все закончится.

— Не имею права, мадам. Я выполняю свой долг. Люди платят деньги за отправку писем, несут последние гроши... Как я могу их обмануть?

Напоследок почтальон признался, что и сам получил записку с предупреждением. На фоне ежедневно нагнетаемых страстей у него не поднялась рука уничтожить ее. Переписал и разослал — словом, поступил, как все.

— У меня четверо детей, мадам, — оправдывался он. — Если со мной что-нибудь случится, кто будет их обеспечивать?

Анита рассказала об этом Алексу и подытожила:

— Как видишь, алчные почтовики здесь ни при чем. Есть у тебя другое толкование?

— М-м-м...

— Нет, конкурентов из соседних рыбацких деревень тоже оставь в покое. У них бы ума не хватило провернуть эдакую комбинацию. Это проделал человек образованный, умный, умеющий просчитывать последствия.

Пока повсюду властвовало смятение, Анита не бездельничала. Она навестила аптека-

ря-краеведа и задала ему вопрос, на который тот ответил утвердительно, присовокупив изумленный возглас: «Но как вы узнали?» Она пообещала дать исчерпывающие объяснения, но попозже, и уговорила его съездить в жандармерию. Оттуда аптекарь вернулся в добром расположении духа, хотя и не сказать что ошастливленный.

Затем Анита воспользовалась одной из купленных марок с изображением Цереры и отправила письмо. Максимов решил, что и она поддалась всеобщему сумасбродству, но письмо было одно-единственное. Отослав его, Анита весь следующий день посвятила прогулкам по пляжу. Ее отчего-то очень интересовала скала, с которой низвергнулся фотограф Эмиль.

События разворачивались с пугающей быстротой. В деревне вдруг осознали, что записки появились с приездом мсье Гаше и его приятелей. Градус общественной напряженности достиг уже точки кипения, поэтому народу было все равно кому мстить. Идея, что виноваты перпиньянцы, оказалась удобной во всех отношениях. Пришлых не жалко, и за них никто не заступится. А то, что у них остался всего один, делало расправу простой

Как-то в послеобеденный час под стенами гостиницы собралась разъяренная толпа, вооруженная гарпунами, вилами и выдернутыми из заборов кольями. В дверь и в окна полетели камни, тут и там раздавались призывы выдать приспешника Вельзевула, слугу Люцифера, короче говоря, душепродавца Гаше.

Насмерть перепуганная хозяйка «Гранд-Паласа» прибежала в комнату к своему горемычному жильцу и потребовала, чтобы он немедленно убирался восвояси. Господин Гаше, который на протяжении последних дней пребывал в состоянии депрессии и почти никуда не выходил, ответил, что ему запретили покидать деревню вплоть до окончания расследования. Хозяйка возразила: он может остаться в деревне, но пусть селится у кого-нибудь другого. Ей вовсе не улыбается, чтобы ее добропорядочную гостиницу разнесли вдребезги из-за какого-то чернокнижника.

Анита вступилась за мсье Гаше, но это ни к чему не привело. Хозяйка пригрозила, что прикажет очистить все комнаты. Шут с ней, с прибылью, она все равно никому не достанется, если взбесившийся люд возьмет домишко штурмом и перебьет всех без разбора.

Господин Гаше запахнул куртку, расчесал волосы на пробор перед зеркалом в бронзо-

вой оправе и решительно направился к выходу. Максимов схватил его за руку.

— Куда вы? Вас же там прикончат!

— Я должен выйти, — гордо отвечивал коммерсант, в лице которого не было ни кровинки. — Иначе они прикончат всех.

— Возьмите хотя бы пистолет. Или позвольте мне пойти с вами.

— Ни в коем случае. Возможно, мне удастся их утихомирить.

Он шагнул через порог и сразу попал в кольцо. Засверкали сельскохозяйственные и рыбопромысловые принадлежности, готовые превратиться в орудия убийства. Максимов с револьвером в руке стоял в прихожей, готовый открыть стрельбу, если начнется кровопролитие. Обеспокоенная Анита цепко держала его за рукав и умоляла не горячиться.

— Что вам нужно? — выкрикнул мсье Гаше, глядя вокруг и натываясь на пышущие ненавистью лица.

На него заорали, обвиняя разом во всех смертных грехах. Тогда он, не теряя самообладания, сунул руку за пазуху и вытащил записку, чье содержание было известно всем присутствовавшим. Он развернул ее и воздел

— Видите? У меня такая же черная метка, как и у вас. Мы в одинаковом положении — за что же вы собираетесь меня убить?

Этот довод не образумил селян. Послышались голоса:

— И что ты будешь с ней делать? Неужто порвешь? Ишь какой смелый!

— Да, порву, — проговорил он твердо, как человек, принявший решение. — Смотрите!

Он демонстративно разодрал окаянную бумагу пополам, сложил обрывки, разодрал повторно и пустил образовавшийся мелкий сор по ветру. Дерзкий поступок охладил пыл мстителей, они зашушукались, стали переглядываться.

— Небось уже разослал? — вякнули из толпы недоверчиво. — Знаем мы таких!

— Я ничего никуда не рассылал, слово дворянина, — отвечивал мсье Гаше. — Можете справиться на почте, там подтвердят.

В этот миг он был прекрасен, и его нельзя было не зауважать. Орава мало-помалу раступилась. По рядам прошелестело:

— Ну его! Он и так покойник... Расходимся!

Ватага рассосалась, унося инвентарь. Господин Гаше постоял в одиночестве, поникший и сгорбленный, и возвратился под

плесневелые гостиничные своды. Максимов приветствовал его, как героя:

— Здорово вы их! Я уж боялся, что без заварухи не обойдется...

Гаше, точно не услышав его, на деревянных ногах прошел в свой номер и принялся укладывать вещи. К нему робко постучалась хозяйка. Она тоже была впечатлена его поведением и сказала, что вернет половину платы за постой. Он с апломбом отринул ее щедрость и попросил лишь об одном позволении — остаться в гостинице до утра. Пускаться в путь в наступающих сумерках, без провожатых, было небезопасно. Хозяйка скрепя сердце исполнила эту просьбу. Она ничего не имела против мсье Гаше и сдала бы ему номер хоть на год, если бы не опасение стать отщепенкой среди озлобленных земляков.

— Куда же вы пойдете? — осведомилась Анита у коммерсанта, занятого утрамбовыванием в чемодан толстого домашнего халата.

— Переберусь в город, поближе к жандармам. Тюрьма мне не грозит, бежать от правосудия не вижу смысла. А вот защита от линчевания не помешает.

48 Когда непосредственная опасность перестала угрожать, он уже не смотрелся таким